

ГЛАВА 1

Ранним летним утром, когда солнце поднимается на голубой небосвод, а трава и цветы еще в росе, когда малые птицы еще не завели свои веселые трели, воздух в городе особенно прозрачен и чист. В этот ранний час патрульная машина районного отдела милиции, совершая обычный объезд, остановилась возле припаркованной у тротуара черной «Волги». «Тридцать один десять» стояла неровно — ее правое переднее колесо уперлось в бордюр, а задок на четверть корпуса вылез на середину дороги. Этой удалой парковкой она и привлекла внимание уставших от ночного дежурства стражей порядка.

Милиционеры остановились неподалеку, вышли из «Форда», приблизились к «волжанке» и сквозь затемненное стекло заглянули в салон. За рулем увидели мужчину средних лет в элегантном сером костюме, белой рубашке и галстуке. Он сидел, опустив подбородок на грудь, и, казалось, спал.

— Пьян, что ли? — пробурчал полный краснолицый старший лейтенант.

— Может, заснул, — вторил ему молоденький сержант.

Патрульные постучали в окно, но водитель даже не пошевелился. Тогда сержант дотронулся до ручки двери и легонько дернул.

— Не открывается, — буркнул он. — Что делать?
— Бог его знает что, — нахмурился полный.
— Может, взломаем?
— Вот еще. Дежурство через час заканчивается, а если там труп... Придется еще часа три рапорты строчить. Что да как...

— Так чо делать?

— Свяжусь с дежурным. — Краснолицый сел в «Форд», взял рацию, вызвал отделение и рассказал дежурному о случившемся. Тот передал информацию в районное управление внутренних дел и приказал патрульным пока находиться возле «Волги».

Через пять минут оперативная группа в составе криминалиста, судмедэксперта и двух инспекторов убойного отдела погрузилась в микроавтобус «Фольксваген» и выехала по указанному адресу. А еще через пять минут они остановились возле «Волги» и дежуривших рядом милиционеров.

— Что у вас? — Хмурый капитан вылез из машины и подошел к патрульным.

— Водитель сидит за рулем, на сигналы не реагирует. Или пьян, или мертв, — сообщил старший лейтенант и указал на «волжанку».

— Так, — капитан убойного отдела приблизился к стеклу, постучал по нему пальцем, осмотрел салон и угрюмо констатировал:

— Или мертвецки пьян, или... Снимите отпечатки с ручек, — приказал он криминалисту, отошел от машины, вынул пачку сигарет и закурил.

— Гаишников вызывать? — спросил краснолицый.

— Давай, свяжитесь с ними, пусть запротоколируют место происшествия. И «Скорую» вызовите.

Через пять минут приехали гаишники, и капитан показал им «Волгу» и предположительно умершего водителя.

— Ну что, вскрываем? — спросил он.

— Все необходимые процедуры закончили? — спросил автоинспектор.

— Да, отпечатки есть, — кивнул криминалист.

— Я пытался дверцу открыть и за ручку брался, — встрял сержант.

— Тогда придется и у тебя пальчики скатать, — хихикнул полный.

Понятых в этот ранний час не было, поэтому обошлись известной процедурой — оставили в протоколах место для подписей и приступили к вскрытию легко-вухи.

Инспектор ГАИ вставил тонкую длинную линейку в щель между стеклом и дверцей и без труда открыл замок.

— Тебе угонами промышлять, — пошутил капитан.

— Мне и на этой работе неплохо, — усмехнулся тот.

Судмедэксперт приблизился к водителю, пощупал пульс на сонной артерии и цокнул языком:

— Пульса нет, мертв. Вызывайте «Скорую» и труповозку.

— «Скорая» едет, но что-то долго, — ответил старший лейтенант и посмотрел на часы.

Через десять минут приехала «неотложка», и врач констатировал смерть водителя предположительно от сердечного приступа.

— Точнее вскрытие покажет, — покачал головой медик, заполнил соответствующие бумаги и уехал.

Капитан взял рацию, связался с управлением, сообщил дежурному подробности и отпустил патрульную машину. Потом приказал криминалисту обследовать салон «Волги», а сам взял из микроавтобуса видеокамеру и начал снимать происходящее.

Через час на месте происшествия собрались все милицейские начальники районного масштаба и устроили совещание.

— Похоже, несчастный случай, — сказал начальник отделения милиции начальнику Управления уголовного розыска Михаилу Михайловичу Дурову.

— Если гистологический анализ тканей не выявит яда, тогда несчастный случай, — кивнул капитан.

— Установили личность убитого?

— Да, это ведущий специалист Центра стратегических исследований при Национальном космическом агентстве Николай Митрофанович Звягинцев.

— Чем занимался?

— Что-то с космосом.

— На работу, семье сообщили?

— В центр — да, а дома никого нет. Никто трубку не берет.

— Вы сообщите, поговорите с родными, обратитесь в поликлинику, найдите его историю болезни, было ли у него большое сердце, может, он гипертоник...

— Сделаем, но после вскрытия. Сначала надо определить, от чего он умер, от инфаркта миокарда или от инсульта.

— Да. И то, и то могло быть причиной мгновенной смерти. — Дуров тяжело вздохнул и похлопал себя рукой по левой груди. — У меня тоже частенько потягивает, может щелкнуть, и все.

— Служба тяжелая, нервная, под богом ходим, — поддержал его начальник отделения.

ГЛАВА 2

Утро наступающего дня выдалось для начальника отдела по расследованию убийств МУРа полковника Петра Петровича Семенова особенно удачным. Он

наконец-то отменно выспался и отдохнул после нескольких трудных, бессонных ночей, а также успешно закрыл горячее уголовное дело о бытовом убийстве. Один собутыльник зарезал кухонным ножом другого собутыльника и бросился в бега. Имя и фамилию душегуба выяснили сразу, и оставалось только его разыскать и взять. Пару дней он мотался по друзьям-знакомым, таким же, как и он, бедолагам-алкоголикам, и следственной бригаде во главе с Семеновым стоило большого труда выяснить его местонахождение и устроить засаду.

На вторую ночь мытарств подозреваемый пришел на квартиру к своей давней сожительнице, но выйти из нее по своей воле уже не смог. Семенов мастерски организовал захват и взял упыря тепленьким, без выстрелов и драк. Двое оперативников быстро скрутили его, отвели в «Волгу» и увезли в МУР.

На допросе подозреваемый не отпирался, а чисто-сердечно рассказал, что убил соседа из-за стакана водки. Тот случайно опрокинул его дозу на стол, а поделиться своей с ним отказался. За это и погиб. Дурак.

К полудню Семенов закончил с протоколами, видеозаписями и остальными документами и сдал дело в прокуратуру. Получил благодарности от начальника МУРа, своего друга генерала Берестова и поехал домой отдыхать. Перед этим поблагодарил сотрудников за службу и обещал выбить каждому премию в размере двух тысяч рублей.

Дома Петрович выпил несколько рюмок водки, первый раз за двое суток плотно, не спеша поел и лег почивать. Утром проснулся бодрый, полный сил и после гигиенических процедур и завтрака отправился на службу.

Петру Петровичу Семенову исполнилось пятьдесят два года. Он был высокий, подтянутый, полный

сил мужчина, умный и строгий, наделенный властью и уважением сослуживцев. В уголовном розыске его уважали все, знали, если Петрович взялся за дело, то обязательно доведет его до конца. Семенов умел вести за собой людей и брать ответственность на себя. Даже в трудных, порой безвыходных ситуациях, находясь на грани жизни и смерти, он смело смотрел в лицо опасности.

Он был отменным семьянином, хорошим отцом и дедом, но, к сожалению, семейные радости редко радовали полковника. На службе он бывал чаще, чем дома.

И вот полковник поставил на стоянку управления свой пятилетний «Мерседес Е-210», забрал из салона небольшой красивый кожаный портфель, вышел, включил сигнализацию и направился к проходной. Поднявшись на лифте на третий этаж, пройдя длинным, узким коридором, он подошел к двери своей приемной. Там его уже ждала секретарша Настя и посыльный с документами. Петрович поздоровался со всеми и пригласил офицера связи. Тот положил на стол Семенову донесение, а полковник расписался в его получении в специальном журнале. Фельдъегерь попрощался и ушел, а полковник уселся за свой большой рабочий стол в старое, брежневских времен кожаное кресло и принялся читать запрос из прокуратуры по нескольким уже сданным им делам.

Вдруг на столе зазвонил телефон, и полковник не спеша снял трубку.

— Да, — буркнул он и продолжил чтение.

— Здравствуйте, Петр Петрович, — послышался приятный голос. — Это Виктор Александрович Пономарев, мы с вами в доме отдыха познакомились, помните?

Петрович приподнял взгляд от бумаг и с трудом вспомнил звонившего.

— А, Виктор Александрович, — несмотря на это, протянул он, — какими судьбами?

— У меня к вам просьба, и касается она вашей непосредственной работы. Помните, когда мы с вами в бане парились, вы мне сказали, что, если возникнут проблемы, я могу вам позвонить. И телефонный номер дали. Вот я и звоню.

— Помню, как не помнить, — усмехнулся Семенов. Он вспомнил небольшого, начитанного, обаятельного инженера какого-то секретного института, отдыхавшего вместе с ним прошлым летом в элитном подмосковном доме отдыха Министерства внутренних дел. Они с Петровичем тогда сошлись и подружились за бильярдным столом, но встречаться после окончания отпуска времени не было, и их дружба угасла в зачатии.

— Я вас внимательно слушаю, Виктор Александрович, — произнес Семенов.

— Я хотел бы с вами встретиться и поговорить с глазу на глаз, — попросил Пономарев.

— Приезжайте ко мне на работу, и побеседуем, — предложил полковник.

— Хорошо, когда? — с готовностью спросил Пономарев.

— А хоть сейчас. Сегодня будет удобнее всего.

— Я приеду, скажите адрес.

— Петровка, тридцать восемь, МУР, — хихикнул полковник. — Пропуск на ваше имя будет в проходной. На нем будет написан номер моего кабинета.

— Отлично, я буду через полчаса, — пообещал знакомый и повесил трубку.

Семенов не придавал особого значения визиту Пономарева, попросил секретаршу заказать пропуск на его имя и продолжил изучение документов. Через десять минут пришел сотрудник Илья Рогов и доложил,

что получено донесение от секретного источника о том, что разыскиваемый уголовным розыском по подозрению в заказном убийстве некий Шнобель появился в городе. Петрович попросил перепроверить информацию по другим источникам и отпустил старшего лейтенанта.

И вот на столе пискнул коммутатор, и секретарша сообщила, что в приемной посетитель, тот, на кого был заказан пропуск.

— Приси, — сказал полковник и встал навстречу знакомому.

Виктор Александрович прошел навстречу Семенову и с улыбкой крепко пожал руку. На нем был светлый элегантный костюм, светлые ботинки, белая рубашка и галстук. В манжетах рубахи виднелись золотистые запонки, а пижонский галстук пристегивала к рубашке красивая золотая заколка с изумрудиком. В нагрудном кармане виднелся уголок наодеколоненного платка в тон галстуку.

— Как поживаете? — спросил Петр Петрович и предложил гостю сесть на один из десяти стульев, окружающих большой рабочий стол в центре кабинета.

Пономарев выбрал ближайший к нему стул.

— Как бильярд? — спросил Семенов.

— Давно не играл, только в отпуске расслабляюсь, могу себе позволить, а так работа...

— У меня та же ситуация, — произнес Петрович, — итак, я вас внимательно слушаю.

Пономарев в свои сорок с лишним лет выглядел молодожаво. Он был очень умным, начитанным, умел поддерживать беседу, но иногда посматривал на собеседников свысока, давая понять, что по интеллектуальному развитию находится выше их.

Семенов заметил эту особенность Пономарева еще в доме отдыха и зарекся вступать с ним в какие-либо

споры, дабы не выглядеть полным дураком в глазах товарищей. Беседовал с ним на обыденные темы, не требующие специальных знаний и эрудиции.

— Итак, — собравшись с мыслями, начал гость, — я руководитель Центра стратегических исследований Национального космического агентства России. Мы занимаемся разработкой спутниковых систем и всем, что связано с космосом. — Виктор Александрович сделал паузу и взглянул на Семенова, стараясь определить, произвела эта информация на него впечатление или нет.

Дело в том, что Петрович за время двухнедельного пребывания в доме отдыха так и не смог выяснить рода занятий своего партнера по бильярду. Он особенно и не пытался этого сделать, но профессиональное любопытство некоторое время глодало его, да все зря. Пономарев скрывал от всех свою должность и место работы. Секретность обязывала. Теперь Семенов наконец узнал причину незаурядных интеллектуальных способностей Пономарева, его таинственности и очень обрадовался.

— Так вот, — продолжил гость, — сегодня утром я приехал из командировки, и мне сообщили, что вчера один из моих лучших сотрудников, руководитель лаборатории баллистических исследований, скоропостижно скончался в своей машине то ли от сердечного приступа, то ли от инсульта. Дело находится в районном Управлении внутренних дел Медведкова. Я вас прошу, Петр Петрович, возьмите его на контроль и выясните, правильно ли сделаны все экспертизы.

— У вас есть сомнения по поводу некомпетентности их сотрудников? — спросил полковник.

— Дело в том, что погибший Николай Митрофанович Звягинцев некогда был в отряде космонавтов и обладал отменным природным здоровьем. Он был

тренирован и силен, не курил и не пил и держал себя в отличной форме. Поверьте мне, я знаю.

— А почему его из космонавтов отчислили? — не удержался Петрович.

— В период перестройки и развала Союза космические программы свернули, а когда через десять лет их возобновили, то Звягинцев уже не проходил по возрасту. Тех, кому свыше пятидесяти, нежелательно посылать в космос — молодых парней хватает. В общем, не стали рисковать.

— Понятно.

— Вот почему я прошу вас проконтролировать районных экспертов и проверить, точно поставлен диагноз или нет.

— Хорошо, Виктор Александрович, я проконтролирую и вам сообщу.

— Вот официальный запрос МУРу от Центра стратегических исследований Национального космического агентства России по факту смерти нашего сотрудника. — Пономарев вынул из папки документ и передал Семенову.

Тот взял лист с солидным гербом и печатями, просмотрел и положил на стол.

— Звягинцев Николай Митрофанович? — уточнил он.

— Да. Разберитесь, пожалуйста, — Пономарев встал, улыбнулся своей очаровательной улыбкой, пожал Семенову руку и двинулся к выходу.

Проводив его, Петрович вернулся в кресло, взял телефонную трубку и приказал Илье Рогову срочно забрать из районного Управления внутренних дел все материалы по факту смерти Звягинцева. Старший лейтенант сел в служебную «Волгу» и помчался в Медведково, а Семенов позвонил своему давнему знакомому начальнику уголовного розыска тамошнего МВД и попросил рассказать о случившемся.

— О, привет, Петр Петрович, — пробасил Михаил Михайлович Дуров. — Знал, что сверху будут теребить по поводу этого случая, но не думал, что ты и так скоро.

— Привет, Миша, расскажи, что там у вас стряслось.

Начальник УГРО подробно рассказал о несчастном случае, сообщил, что сам был на месте происшествия и видел, что никакого криминала там нет.

— Умер за рулем твой Звягинцев. Ошибки быть не может. Алкоголем от него не пахло, но в голове сосуды лопнули — это факт. Вскрытие показало, что у него обширная гематома обеих полушарий мозга. Может, давлением страдал. Вскрытие производил опытный патологоанатом местной клиники. У меня на столе все экспертизы...

— Весь конфуз в том, что Звягинцев, по утверждению сослуживцев, был здоров как бык. Обладал отменным здоровьем и даже некоторое время состоял в отряде космонавтов. А туда тщательно отбирают. У них в институте медкомиссии раз в полгода, тестируют все органы и системы, и поэтому вероятность, что у него тромб от стенки сосуда оторвался и закупорил артерию сердца или головного мозга, крайне мала. Это они так утверждают. У меня на столе их запрос на проведение дополнительной экспертизы.

— Быстро летают твои космонавты. Я еще данные экспертизы никому не показывал, а они уже хотят повторные исследования делать. Не терпится им на ментов собак спустить.

— Они хотят докопаться до истины, — закончил разговор Семенов. — К тебе сейчас придет мой сотрудник, так ты ему передай все материалы.

— Официально?

— Да, официально — я дело у вас забираю.

— Прекрасно. Баба с возу — кобыле легче, — хихикнул Дуров.

Вскоре Илья привез документы, и Семенов уселся смотреть видеокассеты, заснятые криминалистами у «Волги» Звягинцева. За час просмотрел все и ничего удивительного не увидел.

— Все просто как день, — констатировал Петрович, — Звягинцев ехал на машине с работы домой, почувствовал себя плохо, сбросил скорость и решил припарковаться. Направил машину к бордюру и остановился. Встал неровно. Решил вызвать «Скорую», но даже телефон достать не успел — умер от кровоизлияния в мозг.

— Такое часто бывает, — поддержал шефа Илья.

— Очень часто, чаще, чем хотелось бы. Живешь и не знаешь, что там у тебя внутри происходит. Вдруг жить-то осталось совсем немного, день-два или минута. Висит в сосуде тромбик, как дамоклов меч, и когда он секанет по твоему сердцу или мозгу, знает только господь бог.

— Это точно.

— Чего тут непонятного, — хмурился Петрович, — гистологические исследования тканей не выявили присутствия ядовитых веществ, включая алкоголь, никотин и героин. Не курил, не пил и не кололся наш космонавт. Таблетками не баловался, и все тут. Был здоров как бык, как сказал Витя, а умер. — Семенов отложил в сторону папки, взял телефон и позвонил Пономареву.

Через минуту тот ответил, внимательно выслушал полковника и, к удивлению Петровича, снова попросил провести дополнительные исследования.

— Петр Петрович, — начал тот снова-здорово, — у вас на столе запрос нашей организации, и я вас убедительно прошу, проверьте, пожалуйста, сами все сделанные ранее экспертизы. Вы можете это сделать?

— Да, я могу забрать тело из морга районной боль-

ницы, переправить его в госпиталь имени Бурденко и заново провести все гистологические экспертизы, но не вижу для этого оснований, — парировал Петрович.

— Запроса нашей организации недостаточно?

— Нет, недостаточно, — уперся полковник. — Если бы было подозрение на насильственную смерть, тогда...

— Дело в том, что Звягинцев руководил секретным отделом, и его смерть ставит много вопросов. Я не могу распространяться по этому поводу, но поверьте, у меня есть веские подозрения, что его смерть могла быть насильственной.

— Даже если подтверждающих это вещественных доказательств нет? — усмехнулся полковник.

Пономарев замолчал, немного подумал, а потом произнес:

— Петр Петрович, я скоро вам перезвоню, извините.

Семенов повесил трубку, откинулся в своем кресле и уставился на папку с документами.

— У него есть подозрения, что смерть клиента могла быть насильственной, — передразнил он знакомого. — Так почему он не напишет заявление и не укажет причины, по которым у него возникли эти подозрения?

Неожиданно на столе у полковника зазвонил телефон, и он снял трубку.

— Да, — ответил Семенов и услышал густой голос начальника МУРа генерала Берестова.

— Привет, Петя, — начал тот, — мне позвонили из министерства и потребовали провести дополнительные следственные мероприятия по делу Звягинцева. Потребовали, понял.

— Пономарев воспользовался телефонным правом, — недовольно буркнул Петрович.

— Петя, займись этим и с чистой совестью отпиши

космонавтам все, что нужно. Если это несчастный случай, то бог ему судья, а если нет — тогда расследуй дело. Разрешение прокуратуры на все следственные действия тебе подготовят. Даже на продление нахождения тела в морге до недели, если надо будет. Вот так.

— Значит, положенных на третий день похорон не будет?

— Перенесли кремацию, понял.

— Добре, — буркнул Петр Петрович, положил трубку, посмотрел на Рогова и соорудил на лице кислую мину. — Давай дуй в морг за телом Звягинцева, а я зайду в прокурорскую за бумагами и тебя догоню.

Илья уехал, а Семенов позвонил своему хорошему знакомому — патологоанатому военного госпиталя имени Бурденко Станиславу Николаевичу Котову, по поводу проведения вскрытия тела и экспертизы тканей.

— Сделаем, Петя. Как скажешь, так и будет, — усмехнулся Котов. — Вези своего клиента, обработаю вне очереди.

Через час Семенов приехал в районную городскую больницу, оформил необходимые бумаги, забрал тело и на труповозке повез в военный госпиталь.

В прохладном, оснащенном по последнему слову медицинской техники патолого-анатомическом блоке Семенов и Рогов зашли в кабинет и поздоровались с его хозяином.

Стас Котов был невысокого роста, крепкий, спортивный, в зеленом хирургическом халате на голое тело, в таких же зеленых штанах и не новых черных кроссовках. На шее у него висела специальная хирургическая маска, из нагрудного кармана виднелись три авторучки и микрофон, соединенный шнуром с диктофоном, находившимся в том же кармане, на голове покоились небольшие очки.

— О, какие люди, привет, — Котов встал навстречу гостям, протянул руку и крепко поздоровался с оперативниками. — Прошу садиться, чаю хотите?

— Нет, — отрицательно покачал головой Семенов, — давай к делу. Вот бумаги на все исследования. Проверь тело и ткани на яды, химикаты, никотин, героин и все подробно запротоколируй. Чтобы никто не придрался, понял. В связи с важностью персоны умершего дело на особом контроле прокуратуры и министерства — не оплошай.

— Подозрение на убийство, — патологоанатом потер пальцем подбородок.

— Умер за рулем своей машины. По внешним признакам смерть ненасильственная, но могут быть и внутренние признаки. — Петрович встал и двинулся к двери. — Сделай все как можно быстрее.

— Ну, как быстрее, — нахмурился Котов, — осмотр, вскрытие, срезы тканей я сделаю через час, но их анализы буду проводить не я, а в биохимической лаборатории. Я проконтролирую, но сам понимаешь, скоро конец рабочего дня, так что только завтра.

— Хорошо, завтра в десять часов утра я приеду к тебе, и ты мне расскажешь, что обнаружил.

Семенов и Рогов посмотрели, как санитары перевезли каталку с телом Звягинцева в анатомичку, и пошли к «Волге».

Утром следующего дня Петр Петрович поднялся засветло и на своей личной машине отправился в госпиталь. Приехал к половине десятого. Когда вошел в коридор морга, сразу увидел Котова в окружении двоих парней в зеленых халатах. Они о чем-то беседовали, но, увидев полковника, Котов улыбнулся, отдал какие-то указания и направился к нему.

— Привет, ты рано, — усмехнулся Стас и пожал Петру руку.

— Нужда подгоняет, — пожаловался тот.

— Я вчера повторно вскрыл тело, обследовал органы и пришел к выводу, что это самый обычный инсульт. Видимо, от сильнейшего стресса давление у пациента скакнуло, и сосуды головного мозга лопнули. Осмотр сердца, легких, печени и почек показал, что, в общем-то, все в норме, но не в идеальном состоянии, не как у молодых. Все, как и у среднестатистического пятидесятилетнего мужчины.

— Значит, отменным здоровьем Звягинцев не обладал, — заключил Семенов.

— Кто его знает — внешность обманчива, может, и обладал, но вот умер от инфаркта мозга.

— Так, а тромбы у него в сосудах были?

— Тромбов нет — видимо, винцо попивал твой космонавт, коньячок, водочку. Сосуды чистые, но признаки их сужения от атеросклероза уже намечались. Ему лет-то всего под полтинник было, поэтому рано-вато еще — бляшки к шестидесяти разрастаются.

— К шестидесяти, — подчеркнул Петрович, — а мне уже полтинник.

— Так зайди ко мне часика на три, я отведу тебя в лабораторию и сделаю компьютерную томограмму всего тела. Посмотрим, что у тебя там. Если есть эрозия стенок сосудов сердца холестериновыми бляшками, то пропишем тебе лекарства, пропьешь курс, и они растворятся. А если опухоль, то мы ее чик...

— Не приду. Пусть бог решит — что будет, а не вы. Вам бы только чик. А бляшки я лучше коньячком...

— Как знаешь, я сделал — пока тьфу-тьфу.

— Ладно, готовы гистологические исследования тканей?

— Сейчас выясню, — Котов прошел к себе в каби-

нет, снял трубку телефона и набрал номер. Через минуту ему ответили, и он поинтересовался о пробах. Потом улыбнулся и положил трубку.

— Сказали, что сейчас принесут.

Семенов и Котов уселись в кресла и уставились на плакат на стене. На нем красотики в неглиже позировали в струях небольшого водопада. Они выпячивали большие, на вид упругие мячики-груды, отключивали восхитительные попы и излучали чрезмерную сексуальность.

— Силиконовые имплантаты, — с уверенностью профессионала-хирурга произнес Котов.

— А может, свои? — засомневался полковник.

— Я что, по-твоему, натуральную сиську от искусственной не отличу? Я кто, врач или дворник. Ты знаешь, сколько я этих пластиковых буферов из тел своих клиенток повыдергивал. По закону кусочки протезов отправляются на экспертизу. Вдруг они токсичны, и это стало причиной смерти. Знаешь, сколько красоток гибнет в автокатастрофах, от наркоты или в бытовухе. Мотнула сиськами не там, где нужно, и муж или любовник ее прирезал или придушил.

— Как не знать, — ухмыльнулся Петрович.

— А, ну конечно, извини, забыл, с кем говорю. — Котов замолчал и посмотрел на плакат. Мужчины еще немного поглазели на прелестниц, но потом отвлеклись, и каждый задумался о своем.

И вот дверь отворилась, и в кабинет вошел высокий мужчина в белом халате — начальник лаборатории биохимических исследований, доктор наук, профессор, полковник медицинской службы Илья Михайлович Фельдман. Увидев его, Котов встал, вышел из-за стола и протянул руку.

— Привет, Илья, — сказал он и немного смущенно посмотрел на Семенова.

Тот понял, что патологоанатом не ожидал прихода биохимика, и значит, произошло что-то экстраординарное.

— Здравствуйте, господа, — пробасил Фельдман и пожал руку Семенову.

Они с медиком были немного знакомы, но товарищами, а тем более друзьями никогда не были. Семенов знал, что в госпитале имени Бурденко трудится отличный специалист, ас в тканевой биологии полковник Фельдман. А тот знал, что в МУРе ловит убийц и насильников полковник Семенов, тоже ас в своем деле.

Как-то раз биохимик помог Семенову раскрыть отравление уникальным, не определяемым в тканях жертвы ядом. Только по вторичным признакам Фельдман смог распознать то, что этот яд некоторое время был в сосудах пострадавшей и нанес непоправимый урон ее иммунной системе. В итоге дама скоростижно умерла от отравления токсинами, выделившимися от размножившихся в огромном количестве бактерий.

Семенов помнил, с какой точностью биохимик поставил диагноз и как посоветовал искать яд, содержащийся в небольшом плоде, растущем на пальмах в джунглях Амазонки. Семенов выяснил, что муж убитой по роду своей службы бывал в тех местах, и предположил, что он мог найти эти плоды и узнать, как выделить из них токсины. После того как Семенов раскрыл карты перед журналистом и сказал, что обнаружил у него в квартире микрочастицы яда плода пальмового вьюна, у того случилась истерика и он все чистосердечно рассказал. Он убил свою жену ради наследства и думал, что это изощренное отравление сойдет ему с рук. Но прозорливость биохимика помогла Семенову разоблачить гада.

Появление Фельдмана было для Петровича предзнаменованием того, что Звягинцев был действительно

но отравлен, но заявление биохимика ввергло его в уныние.

После того как мужчины поздоровались и уселись на диван, Илья Михайлович положил на стол папку, посмотрел на Семенова и развел руками:

— Ничем вас обрадовать не могу, Петр Петрович. В организме пострадавшего никаких ядов не обнаружено, равно как и алкоголя, наркотических веществ, транквилизаторов и сердечных гликозидов. Хотя есть одно «но», — доктор замолчал и внимательно посмотрел на Котова и Семенова. — При исследовании пораженных участков стенок сосудов головного мозга я обнаружил вещество, которое не смог классифицировать. Это не яд, а химическое соединение, не имеющее в организме никакого применения. Как оно попало в организм, неясно, как оно метаболизирует, тоже неясно, и вообще для чего оно — непонятно.

— Так, — хлопнул себя по коленям Семенов, — вы утверждаете, что в организме Звягинцева найдено вещество, которого в человеческом теле быть не должно?

— Именно, — кивнул профессор. — Вот заключение.

— И что это?

— Я же говорю, я не смог его классифицировать. Какая-то соль тетра-борно-уксусной кислоты. В химической литературе про нее ничего не сказано.

— А как она могла туда попасть?

— Я думаю, это конечный продукт метаболизма какого-то более сложного соединения, введенного в организм с определенной целью.

— Убить Звягинцева? — перебил Петрович.

— Не думаю, для этого применяют яды, — парировал Фельдман, — скорее для чего-то еще.

— Для чего?

— Не знаю, я не смог выяснить.

— Оно может быть метаболитом какого-то лекарства, — предположил Котов.

— Нет, фармакология лекарственных веществ хорошо изучена, и я бы нашел данные в специальной литературе. По поводу этого вещества нет ничего.

— Да, хорошенькое начало, — покачал головой Семенов, взял отчеты и быстро пролистал их. — Это все?

— Да, большего я вам ничего не скажу. Если еще что-то выясню — позвоню, — пообещал Фельдман, встал, попрощался и ушел.

— Вот так, — заключил Котов, когда прочитал доклад эксперта. — Организм человека — сплошная загадка.

— Спасибо тебе, Стас, — поблагодарил Петрович, собрал документы в папку, встал, пожал руку Котову и вышел. Сел в машину и поехал в МУР.

Как только вошел в кабинет, сразу достал из шкафа двухлитровую бутылку воды и как следует напился. Немного отдышавшись, распустил галстук, уселся в кресло и позвонил Пономареву. Рассказал о повторной экспертизе и найденном в стенках сосудов умершего таинственном веществе.

— Ну и дела, Петр Петрович, — удивился Пономарев, — значит, убийство.

— Я в этом не уверен. По заключению эксперта, это вещество не является ядом и не могло оказать на потерпевшего смертоносного воздействия. Это даже не метаболит яда, — Семенов вставил в разговор заумную фразочку.

— Тем не менее я прошу вас расследовать это дело, — заявил Виктор Александрович.

— Если вы считаете, что основания для открытия уголовного дела по факту убийства Звягинцева есть, то пишите запрос в прокуратуру. А они рассмотрят заявление и решат, брать дело в производство или нет.

— Вы по-прежнему считаете, что факт убийства не установлен?

— Не установлен, я так считаю. Сам Звягинцев мог с какой-то целью ввести это вещество себе в организм. Может, он лекарство какое-то выпил.

— Хорошо, спасибо за помощь, господин Семенов, — Пономарев повесил трубку, но полковник знал, что на этом дело не закончится. Через пять минут раздался телефонный звонок генерала Берестова.

— Еще раз привет, Петя, мне звонили из прокуратуры и приказали взять в производство уголовное дело по факту убийства Звягинцева. Так что принимай его.

— Коля, — полковник начал злиться, — я сказал Пономареву, что считаю смерть Звягинцева несчастным случаем, а не убийством.

— У тебя есть заключения экспертов, — напомнил генерал.

— Я сейчас к тебе зайду и покажу отчеты, сам убедись, что Звягинцев не был отравлен. Яда в его организме нет.

— Если ты не хочешь заниматься этим делом, то я передам его другому инспектору, — стал раздражаться начальник.

— Я не хочу заниматься делом в такой обстановке. Меня не слушают, принуждают расследовать то, что расследованию не подлежит. Я хочу...

— Петр Петрович, — перебил Семенова генерал, — смерть Звягинцева тебе не кажется странной?

— Не кажется. Ехал мужик в машине, понервничал, у него давление скакнуло, и он коньки отбросил. Таких случаев сотни, и что, все их расследовать?

— Но мне сказали, что у него в тканях обнаружено какое-то неизвестное науке вещество.

— Если у нас с тобой покопаться, то можно много чего найти. Вскрытие покажет, как шутит Котов.

— Ну а если это все-таки убийство?

— У меня другое мнение. Хотя... — полковник сделал паузу. — Предположим, люди, подготовившие убийство Звягинцева, уничтожили все следы, и мы даже не знаем, убийство это или несчастный случай. Так вот, я не хочу терять время на то, что заведомо ляжет на полку на многие годы. Это висяк, Коля, поверь моему опыту. Тут не за что зацепиться. Но если ты мне прикажешь — я подчинюсь и возьму дело.

— Ну, зачем ты так, — сбавил напор Берестов. — Я полностью доверяю твоему опыту, Петя, поэтому сделай так, чтобы тебе поверили и в прокуратуре. Проведи экспертизы салона автомобиля Звягинцева, исследуй пыль, кал, слюни, черт его знает что еще, набери ворох бумаг и отдай это прокурору, а он сам решит, что да как. Вот тогда этот Пономарев от нас отстанет. Ты видишь, как на меня давят...

— Ну и на фига мне эти хлопоты, Коля. У меня в городе серийный киллер появился, он пятерых по заказу замочил, и мы его полгода ищем. Его надо вычислить, взять и отдать под суд.

— Петя, я тебя прошу, — настаивал Берестов, — Пономарев пользуется своими связями и давит на прокурора, а тот на меня. Я соответственно на тебя, и буду давить, пока ты не поставишь точку в этом деле.

— Черт, — выругался Семенов и понял, что отвертеться от дела Звягинцева ему не удастся. — Значит, расследовать дело космонавта? — сдался он.

— Именно. Тебе трех дней хватит?

— Ладно, исследую машину, обыщу квартиру, побываю на работе, опрошу сослуживцев, родственников и тогда тебе сообщу. За два дня управлюсь.

— Вот и отлично, — отреагировал генерал, — и прошу, сделай все четко, без сучка без задоринки, как для себя, ну, сам понимаешь...

Семенов медленно положил трубку на аппарат и откинулся в кресле.

— Ну, Пономарев... хочешь расследования, так я тебе его устрою.

ГЛАВА 3

Через час Петрович в сопровождении двух криминалистов приехал в Управление внутренних дел «Медведково» и встретился с начальником уголовного розыска. Они прошли в гараж и остановились возле «Волги» Звягинцева.

— Ну вот, господа сыщики, — указал на машину Дуров, — она в вашем полном распоряжении.

— Начинайте, — кивнул Семенов, и криминалисты Андрей Дементьев и Иван Брылев приступили к исследованию. Он стали снимать отпечатки пальцев с дверных ручек автомобиля, потом обработали салон и закончили стеклами. Собрали песчинки на ковриках, волосинки на сиденьях, исследовали крылья и колеса приборами для обнаружения тайников и через три часа доложили, что работу закончили.

В это время опергруппа во главе с Ильей Роговым опросила жену и сына Звягинцева и с их разрешения обследовала квартиру.

К шести часам вечера оперативники вернулись в управление и вошли в кабинет полковника Семенова. Он устроил совещание и попросил каждого отчитаться о проделанной работе.

— Ничего криминального, — констатировал Андрей Дементьев.

— Когда будут готовы результаты экспертиз? — поинтересовался Семенов.

— К утру.

— А что у вас? — обратился он к Илье.

— Тоже не густо. Жена в трауре, сидит на валокордине, сын от нее не отходит. Они рассказали, что хозяин дома не пил, не курил, врагов у него не было, да он все время был на работе...

— Значит, надо ехать к нему на работу и опрашивать сотрудников, но это я сделаю завтра, после того, как прочитаю заключения экспертов по машине, — закончил Петрович и отпустил милиционеров.

На следующий день Семенов приехал в управление, собрал у себя на столе отчеты экспертов по машине, протоколы допросов семьи Звягинцева и внимательно изучил их. Потом еще раз прочитал заключение биохимика и патологоанатома, ксерокопировал все бумаги, сунул в папку вместе с копиями видеокассет с места происшествия и положил все в сейф. Позвонил Пономареву и договорился о встрече.

Через час Петр Петрович приехал на служебной машине в Фили на завод имени Хруничева, на территории которого располагался Центр стратегических исследований при Национальном космическом агентстве России. Несколько его этажей занимала лаборатория орбитальных исследований, руководителем которой был Николай Митрофанович Звягинцев.

Сотрудник Пономарева встретил Семенова у ворот, оформил пропуск и пропустил машину на территорию огромного завода. Его корпуса стояли на приличном отдалении друг от друга, и добраться от одного до другого удобней всего было на колесах.

— Что вы тут, Кинг-Конгов выращиваете? — пошутил Петрович, когда «Волга» проезжала мимо высоченного, с десятиэтажный дом цеха.

— Ракетостроение — громоздкое производство. Американцы свои носители собирают в стартовом состоя-

нии — вертикально. У них цеха как небоскребы — по сто пятьдесят метров высотой.

— А мы? — не удержался полковник.

— Мы в лежачем, а потом поднимаем на кантователе. Они перемещают ракетоноситель на стартовую платформу в вертикальном положении, а мы в горизонтальном и потом поднимаем. У нас и ракетные старты разные. У них одна опорная мачта, и она отъезжает в сторону, а у нас две, и они одновременно отбрасываются.

— Это я по телевизору видел, — кивнул Семенов.

— Да, сейчас много космической техники показывают, — усмехнулся невысокий, седой, полнолицый сотрудник Центра стратегических исследований.

Машина наконец подъехала к зданию КБ и остановилась. Семенов и его провожатый поднялись на пятый этаж, где находился кабинет Пономарева.

— Вот, доставил, — сказал сотрудник секретарше и удалился.

— Здравствуйте, Петр Петрович, вас ждут. — Молоденькая девушка открыла перед полковником дверь.

В торце длинного окруженного стульями стола сидел Виктор Александрович Пономарев. Увидев полковника, он снял очки и с улыбкой направился навстречу ему.

— Добрый день, — Виктор протянул руку и крепко пожал ладонь полковника.

— Здравствуйте, — улыбнулся Петрович в ответ.

— Присаживайтесь, — хозяин указал гостю на стул возле стола, а сам сел в свое рабочее кресло.

Когда мужчины устроились поудобнее, Пономарев вопросительно взглянул на полковника, ожидая начала разговора.

— Виктор Александрович, — не затягивая, начал тот, — мне необходимо выяснить, какой работой за-